

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

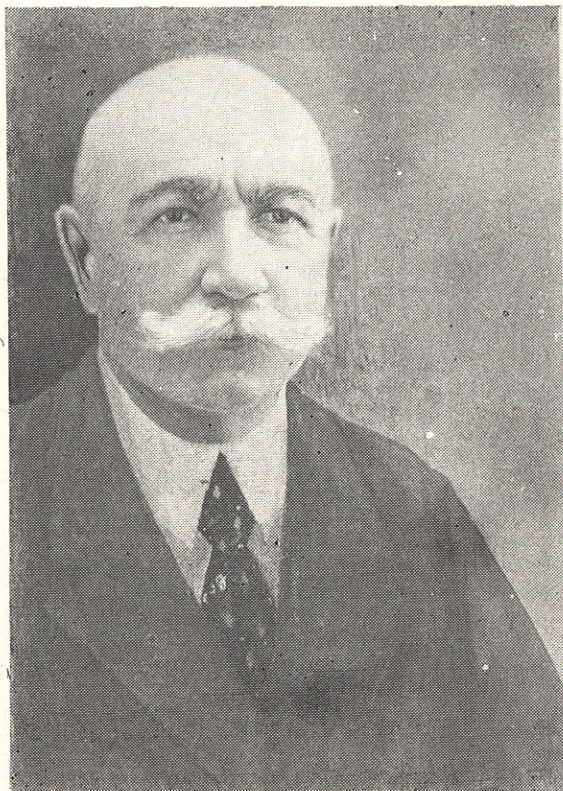
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЫПУСК III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1954

Александр Александрович Семенов

ПОСВЯЩАЕТСЯ

старейшему востоковеду Узбекистана,
профессору, доктору исторических
наук, члену-корреспонденту Академии
Наук Узбекской ССР, действительному
члену Академии Наук Таджикской ССР

Александру Александровичу
СЕМЕНОВУ

ко дню его восьмидесятилетия
1873—1953

М. А. САЛБЕ

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА— „МИХМАННАМЕИ БУХАРА“

В ряду хранящихся в Институте востоковедения Академии Наук УзССР исторических источников, содержащих ценный материал для изучения прошлого Средней Азии, заметное место принадлежит „Книге бухарского гостя“ („Михманнамеи Бухара“), написанной Фазлаллахом б. Рузбеханом, более известным под прозвищем „Ходжа мауланаи Исфохани“.

Сочинение это, как и другие произведения ибн Рузбехана, до настоящего времени не вошло в обиход науки¹. Названия некоторых трудов этого автора упоминаются отдельными европейскими учеными и цитируются в каталогах восточных библиотек².

Ввиду несомненной ценности отдельных сочинений ибн Рузбехана, особенно его „Книги бухарского гостя“, для исследователя политической и культурной истории Узбекистана на рубеже XV и XVI вв. н. э., не лишне будет предпослать рассмотрению этого труда краткие биографические сведения об „исфоханском ходже“ и дать характеристику других его произведений.

Дошедшие до нас сведения о жизни и деятельности ибн Рузбехана, как уже сказано, довольно скудны; к тому же они разбросаны по различным источникам. Наиболее ценный материал представляют высказывания самого ходжи в его произведениях, о которых речь будет ниже; кое-что об их авторе сообщает нам известный библиограф Хаджжи Халифа при перечислении этих сочинений³; к сожалению, детали, приводимые Хаджжи Халифой, не всегда точны.

Более подробно о ибн Рузбехане говорит Хасан Нисари, автор ма-

¹ Отдельные упоминания о „Михманнаме“ встречаются в работах советских ученых („История народов Узбекистана“, т. II, стр. 10, 60; П. П. Иванов, Кашахи и Кокандское ханство, ЗИВ, VII, Л., 1939, стр. 93; А. Н. Болдырев, Тезкире Хасана Нисари, как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI века“, ТОВЭ, т. III, Л., 1940, стр. 297; А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Рабочая хроника ИВ АН СССР, II, Ташкент, 1944; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая орда и ее падение, М.-Л., 1950, стр. 302; Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. 1, Ташкент, 1952, стр. 60).

² Свод этих упоминаний—у Стори—*Persian Literature, a bio-bibliographical Survey*, London, 1936, sect. II, fasc. II, стр. 300—301. Экземпляр этой работы был нам любезно предоставлен проф. А. А. Семеновым.

³ Кашф аз-Зунун, изд. Флюгеля, II, стр. 39; IV, стр. 178; VI, стр. 444.

известной литературно-биографической антологии „Музакир ал-ах баб“, или „Тазкират ал-ахбаб“, составленной в 974 г. х. (1566—1567 гг. н. э.)¹.

Несколько слов посвящает нашему автору Мухаммед Хайдар в своем сочинении „Тарихи Рашиди“². Сведения ибн Рузбехане можно найти и в летописи Хасанбека Румлу „Ахсан ат-таварих“.

Абулхайр Фазлаллах б. Рузбехан б. Фазлаллах ал-Хунджи ал-Исфахани³, как указывает его первая нисба, был уроженцем Хунджа или Хунга—небольшого городка в области Фарс, в 60—70 км к юго-востоку от Лагира⁴. Время его рождения в точности неизвестно; можно предполагать, что наш автор, проходивший курс наук в годы правления султана Якуба из туркменской династии Ак-Куюнлу⁵ (царствовал в Ираке и Азербайджане в 1479—1490 гг. н. э.), появился на свет в начале 60-х годов IX/XV в.

Повидимому, уже в ранней юности ибн Рузбехан переселился в Исфахан; поэтому вторая нисба—„ал-Исфахани“—прочно утвердилась за нашим автором, и прозвище „исфаханский мулла“ вытеснило в просторечии его подлинное имя.

В столице персидского Ирака ибн Рузбехан получил первоначальное образование⁶. Закончив курс медресе, он отправился для дальнейшего усовершенствования в науках в Аравию.

В 887/1492 г. молодой исфаханец слушает в Медине известного египетского „мухаддиса“, историка и филолога Шамсаддина Мухаммеда ас-Сахави⁷. Лекции ас-Сахави, шафита по исповеданию и яркого представителя ортодоксального суннизма, повидимому, произвели на ибн Рузбехана неизгладимое впечатление и сильно повлияли на его религиозные и правовые воззрения.

Оставшись до конца жизни воинствующим суннитом, наш автор уже на склоне лет избрал предметом одного из своих последних сочинений комментарий к известной „Поэме о плаще“ ал-Бусыри, которую ас-Сахави читал в Медине⁸.

Из Аравии ибн Рузбехан возвращается в Ирак и, повидимому, находит хороший прием при дворе упомянутого выше султана Якуба⁹.

Время прибытия нашего автора ко двору Якуба не может быть установлено с полной определенностью, вследствие неточности дат, приводимых в источниках. Так, например, Хаджи Халифа¹⁰ сообщает, что ибн Рузбехан посвятил султану Якубу два сочинения: „Тарихи аламарай Амини“ и „Бади аз-заман фи кыссат Хайй ибн Якзан“. Как

¹ Об этом сочинении и его авторе см. уже названную выше работу А. Н. Болдырева. Несколько списков „Тезкире“, не упомянутых А. Н. Болдыревым, хранятся в Институте востоковедения Академии Наук Узбекской ССР. Мы пользовались рукописью инв. № 1438 (нумерована постранично).

² О нем см. ЗВО, X, стр. 215 и сл. Цитируется нами по ркп. ИВ АН УзССР, № 1430.

³ Полное имя—у Х.-Х. в местах, указанных выше.

⁴ Хамдаллах Казвини, „Нузхат ал-кулуб“, изд. Лестренджа, стр. 186 (перевод, стр. 176). Другое, повидимому, анекдотическое объяснение нисбы „ал-Хунджи“—у Стори (ук. работа, стр. 300).

⁵ Нисари, стр. 95.

⁶ Там же, стр. 95.

⁷ Ркп. ИВ АН УзССР, № 4880, л. 3а (персидский комментарий на известную „Поэму о плаще“ ал-Бусыри, составленной самим б. Рузбеханом в последние годы жизни. Других списков этого сочинения, сколько нам известно, не существует). Об ас-Сахави, см. Броккельман, GAL, II, 34, и Suppl., II, 197.

⁸ Там же.

⁹ Как увидим, ибн Рузбехан в конце жизни Якуба стал официальным историографом этого правителя.

¹⁰ II, 39; IV, 179.

мы знаем из других источников¹, „Тарихи аламараи Амини“ было закончено уже после смерти Якуба, последовавшей в 896/1490 г.

Между тем, по словам того же Хаджжи Халифы, повесть „Бади аз-заман“ была написана в 852/1447—1448 г. и в ней говорится о „Тарихи аламараи Амини“, как об уже законченном произведении.

Ошибочность приводимой Хаджжи Халифой даты бросается в глаза. Блоше в своем каталоге персидских рукописей Национальной библиотеки, при описании хранящегося там экземпляра „Тарихи аламараи Амини“², не указывая источника, называет другую дату написания „Бади аз-замана“—892/1496—1497 г. Поправка Блоше не устраняет, однако, хронологического затруднения, так как в 892 г. х. ибн Рузбехан не мог говорить о завершении „Тарихи аламараи Амини“, законченного лишь пятью годами позже.

Еще больше запутывает вопрос ошибка, допущенная Блоше при интерпретации текста Хаджжи Халифы³: повторяя сведения последнего о повести „Бади аз-заман“, французский ученый отнес к этому сочинению замечания, касающиеся, в действительности, „Тарихи Амини“.

Как бы то ни было, ибн Рузбехан, очевидно, возвратился из Аравии в Ирак за несколько лет до смерти султана Якуба, ибо составление двух названных выше сочинений должно было потребовать значительного времени. Когда Якуб умер, наш автор остался служить его сыну Байсункару, для которого и закончил „Тарихи Амини“⁴.

Последующие девять-десять лет жизни ибн Рузбехана освещены в источниках крайне скудно. Можно лишь предполагать, что он провел эти годы в Исфахане, занимаясь педагогической и литературной деятельностью.

После завоевания Ирака войсками шаха Исмаила I Сефеви в 908/1502 г., ознаменовавшегося массовым избиением суннитов, ибн Рузбехан, спасаясь от преследований, бежал в Хорасан⁵. Там он, повидимому, вошел в круг придворных литераторов, группировавшихся вокруг Султан-Хусейна⁶.

Атмосфера конфессионального индифферентизма, царившая в Герате при последних тимуридах⁷, не могла быть особенно приятной

¹ Blochet, Catalogue des Mss persans de la Bibliothèque Nationale, I, 296.

² Там же. О других рукописях этого сочинения—Стори, цит. соч., стр. 300.

³ Ср. Кашф аз-зунун, II, 59; Блоше, ук. соч. I, 296.

⁴ Х.-Х., IV, 178, Блоше, ук. место.

⁵ Тарихи Рашиди, ркп. ИВ АН УзССР, № 1430, л. 120а.

⁶ Там же, л. 112аб. В английском переводе Тарихи Рашиди (The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Naidar Dughlat, London, 1895, стр. 194, прим. 1) страницы, содержащие характеристику выдающихся людей эпохи Султана-Хусейна, к которым автор причисляет и б. Рузбехана, сознательно выпущены „как не имеющие отношения к истории монголов“.

⁷ Известное ослабление интереса к вероисповедным вопросам, наблюдавшееся среди гератской „интеллигенции“ в конце XV и начале XVI в. (для прекращения кровавых суннитско-шиитских распрей особенно много сделал Алишер Навои, стремившийся всеми возможными средствами восстановить спокойствие в истерзанной смутами стране), как нельзя лучше выражено в словах, приписываемых Фахраддину Али б. ал-Хусейну, автору известной биографии самаркандского духовного феодала, мракобеса Ходжи Ахрара „Рашахат айн ал-хайят“: „если я говорю в пользу шиитов, обижаются сунниты; если я говорю в пользу суннитов, это не нравится шиитам; а сам то я, в сущности, не суннит и не шиит“ (Тухфеи Самии, ркп. ИВ АН УзССР № 57, л. 42а).

Резче звучит такое „рубаи“ старшего современника Фахраддина, знаменитого Абдаррахмана Джами:

„О кравчий времени, подай мне чашу вина,

Ибо меня тошнит от пререканий суннитов с шиитами.

Меня спрашивают: „О Джами, какого ты придержишься толка?“

Сто благодарностей аллаху, что я не суннитский пес и не шиитский осел“

(Е. Э. Бертельс, Джами, Сталинабад, 1949, стр. 75—76).

столь убежденному сунниту, как ибн Рузбехан. Крушение тимуридской державы под напором войск хана Шейбани не вызвало у нашего автора заметного огорчения, и он без колебаний поступил в услужение к Шейбани, суннитские симпатии которого проявлялись достаточно ярко.

Став историографом узбекского хана, ибн Рузбехан в 914/1509 г. создал наиболее значительное и ценное для истории Узбекистана произведение. — „Книгу бухарского гостя“ („Михманнамеи Бухара“), которое будет подробно охарактеризовано ниже.

После гибели Шейбани под Мервом в 916/1510 г. наш автор, по неясным для нас причинам, оказавшийся в Самарканде „в плену у еретиков“¹, на некоторое время остается не у дел.

Вступление в Мавераннахр в 918/1512 г. кочевых узбеков под предводительством племянника Шейбани-хана Убайдуллы знаменует новый поворот в жизни ибн Рузбехана. До конца своих дней он остается в рядах ближайших приспешников Убайдуллы², советником которого ему пришлось быть и раньше, при жизни Шейбани хана³.

Сопровождая своего покровителя в поход на Герат в 937/1521 г. ибн Рузбехан умер⁴ и был похоронен на гератском хийабане⁵.

II

Литературное наследие ибн Рузбехана довольно обширно, но, как уже упомянуто, далеко не все его сочинения сохранились. Наиболее ранним из его трудов, известных нам только по названиям, является „рассуждение“ „Чудо времени относительно повести о Хайе, сыне Якзана“ („Бади аз-заман фи кыссат Хайй ибн Якзан“), написанное на таджикском языке.

Когда именно была составлена эта книга, с точностью сказать нельзя, так как дата, приводимая в доступных нам источниках — 852/1447—1448 г., как мы уже говорили, явно ошибочна. Единственный восточный автор, упоминающий о „Бади аз-замане“, — цитированный выше Хаджжи Халифа, говорит, что ибн Рузбехан поднес этот труд султану Якубу ал-Баяндури; книга повествует о том, „каким образом мыслительная способность совершает восхождение по ступеням силы умозрительной и деятельной“⁶.

Из приведенных слов Хаджжи Халифы можно вывести заключение, что „Бади аз-заман“ ибн Рузбехана представляет собой подражание сходным по теме трактатам знаменитого Ибн Сины и арабо-испанского философа XII в. Ибн Туфейля⁷. Отличается ли этот труд ибн Рузбехана каким-либо оригинальными чертами, мы не знаем.

Вслед за „Бади аз-заманом“ идет другое, тоже на таджикском языке, произведение ибн Рузбехана, посвященное Якубу мирзе: „Тари-

¹ Сулук ал-мулук ибн Рузбехана, ркп. ИВ АН УзССР № 3639, л. 5а.

² Наиболее интересный период жизни ибн Рузбехана, связанный с его пребыванием в Мавераннахре, к сожалению, почти не освещен в произведениях самого б. Рузбехана и совершенно не затронут в посвященных ему упоминаниях у других авторов.

³ „Михманнамеи Бухара“ ибн Рузбехана, ркп. ИВ АН УзССР № 5885, л. 446 и сл.

⁴ E. G. Browne, *Persian Literature*, IV, 78 (со ссылкой на „Ахсан ат-Таварих“ Хасан бека Румлу).

⁵ Нисари, ук. соч., стр. 100.

⁶ Кашф-аз-зунун, II, стр. 39.

⁷ Броккельман, *GAL*, I, 455, 26 (Suppl., I, 817). и 1,400 (Suppl., 1,831-2), где названы также и русские работы о романе Ибн Туфейля.

хи аламараи Амини¹—история правления Якуба и его ближайших предков. Труд этот был закончен уже после смерти Якуба, при его сыне Байсункаре², в 897/1491—1492 г. По словам того же Хаджжи Халифы³, б. Рузбехан, составляя „Тарихи Амини“, стремился создать нечто, подобное известному сочинению Джувейни: „Тарихи Джахангуша“.

Повидимому, еще до бегства из Ирака ибн Рузбехан написал ряд богословских схоластических трудов на самые разнообразные темы, вскользь упоминаемых в источниках⁴ большей частью без приведения названий: комментарий к Корану на таджикском языке, толкования к различным сборникам хадисов. Полемический характер носят „Тяжба между суннитами и шиитами“ и другой антишиитский трактат на арабском языке, законченный в Кашане в 900/1508 г.⁵

Несомненно в пределах нынешнего Узбекистана возникли „Рисалеи Харисийе“ и „Насабнамеи узбеки“⁶, тоже известные пока только по названиям.

Первое сочинение представляет собой подробное толкование так называемого „Хадиса о Харисе“; второе содержит родословное древо узбекских ханов.

Немного нарушая хронологическую последовательность, скажем несколько слов об уже упоминавшихся выше произведениях ибн Рузбехана „Сулук ал-мулук“ и комментарий на „Поэму о плаще“ ал-Бусыри. Сулук ал-мулук⁷ — „Правила поведения государей“—этико-юридический трактат типа „Зерцала царей“, написанный для Убайдуллы хана и проникнутый реакционной суннитской идеологией (закончен в последний день месяца раби первого 920 г. х.—23/VI 1514 г.).

В предисловии к этому сочинению⁸ встречаются некоторые интересные для историка Средней Азии данные.

Комментарий к поэме ал-Бусыри составлен по всем правилам, принятым в этой области литературы. Рукописи этого комментария, законченного в 921/1515-1516 г., крайне редки; кроме экземпляра, хранящегося в ИВ АН УзССР⁹, в литературе упоминается лишь один его список, обнаруженный в Эдинбурге¹⁰.

Изучение сохранившихся до наших дней сочинений ибн Рузбехана позволяет составить некоторое представление о нем как о человеке и писателе.

По духовному облику автор „Михманнаме“ является типичным представителем культурной среды, порожденной социально-экономическими отношениями, господствовавшими в конце XV и в начале XVI в. на обширной территории от Дешти Кипчака до Западного Китая. Все более развивающийся процесс феодальной раздробленности, обострение внутренних противоречий между отдельными классами местного общества—все это способствовало ослаблению государства тимуридов и образованию в дальнейшем отдельных мелких дворов.

¹ Амин—поэтический псевдоним ибн Рузбехана.

² Блоше, ук. соч. 1, стр. 296.

³ IV, стр. 179.

⁴ В частности, у Нисари, стр. 94—95.

⁵ Стори, ук. соч., стр. 300.

⁶ Михманнаме Бухара, ркп. ИВ АН УзССР, № 5885, л. 32а и 71а.

⁷ Рукописи этого сочинения довольно редки. Несколько списков его хранится в ИВ АН УзССР, один—повидимому, автограф—в ИВ АН СССР (ЗВО, XXIII, 259). Мы пользовались рукописью ИВ АН УзССР, за № 3639, уже упомянутой выше.

⁸ Ук. ркп., л. 3а.

⁹ № 4880.

¹⁰ Стори, ук. соч., стр. 300.

Такие представители различных династий, как, например, уже упоминавшийся выше султан Якуб в Азербайджане, последние тимуридские царевицы в Самарканде, пытались создать вокруг себя видимость „культурной работы“, атмосферу „покровительства“ литературе и искусству. Привлекая для этой цели всевозможных панегиристов, готовых за соответствующее вознаграждение служить любому господину, их хозяева использовали этих „мастеров пера“ также и для политической агитации, значение которой они отнюдь не были склонны недооценивать. На таком именно амплуа и подвизался при Шейбанихане, как раньше при султани Якубе, ибн Рузбехан. Видимо, наделенный известными способностями, он уже в юные годы впитал в себя мусульманскую философско-богословскую премудрость, усвоив эту науку в центре религиозного мракобесия и реакции — Медине. До конца жизни ибн Рузбехан оставался убежденным поборником наиболее реакционных и даже для своей эпохи отсталых морально-религиозных воззрений.

Не был ибн Рузбехан чужд и адаба — изящной литературы, цитатами из которой обильно и не без ловкости пользовался в полемических целях. Честолюбивый ходжа не хотел удовлетвориться отвлеченной деятельностью компилятора; стремление к почестям и богатству нередко вовлекало нашего автора в водоворот политических событий, где он явно желал играть заметную роль. Не принадлежа к правящим классам и не имея прочной опоры в окружении различных владык и покровителей, которым он служил, ибн Рузбехан не мог, однако, надолго занять выдающегося положения при их дворах. Резкие выступления в духе воинствующего суннизма тоже не принесли ему особенного успеха в обстановке относительного равнодушия к вероисповедным вопросам, преобладавшего в окружении Якуба мирзы и Султан-Хусейна, и нашли более сочувственную оценку лишь позднее, при дворе хана Шейбани.

Не создав себе имени в области политики, ибн Рузбехан прошел малозамеченным также в литературе и науке. Типичный начетчик, как губка впитывавший в себя созданное другими, он оказался неспособен к самостоятельному творчеству; оставить после себя что-либо крупное мешала сама разносторонность и разбросанность его интересов.

Однако эта особенность его внутреннего облика оказалась полезной ибн Рузбехану в практической жизни. В лице автора „Михманнаме“ мы видим законченный тип надима — собеседника и компаньона, неотлучно находящегося при каком-либо государе или вельможе и зачастую сопровождающего своего патрона даже в военных походах. Подобные персонажи, повидимому, с незапамятных времен фигурировали в окружении восточных владык: вспомним хотя бы знаменитых надимов халифа Харун ар-Рашида, увековеченных, между прочим, в сказках „Тысяча и одной ночи“.

Основной задачей этих царедворцев было разгонять скуку повелителя, для чего требовались начитанность и остроумие и, главным образом, умение найтись в любых обстоятельствах, — черта, ярко выступающая, между прочим, и у ибн Рузбехана.

Наиболее способные надимы нередко выходили из роли простых „развлекателей“, становясь поверенными тайн и советниками своих патронов. Именно такое положение и занял ибн Рузбехан, поступив в услужение к узбекскому хану Шейбани; родоначальник среднеазиатских шейбанидов нередко привлекал нашего автора к обсуж-

дению государственных дел и поручал ему составление официальных документов.

По инициативе Шейбани возникло и наиболее самостоятельное литературно-историческое произведение ибн. Рузбехана на таджикском языке — „Книга бухарского гостя“ („Михманнамеи Бухара“), к рассмотрению которого мы теперь и перейдем.

III

Сочинение это, насколько известно, дошло до нас лишь в двух рукописях. Одна из них хранится в ИВ АН УзССР, другая до недавнего времени находилась в Стамбуле, в мечети Нури Османйе.

Рукопись ИВ АН УзССР¹ (в дальнейшем цитируется под сиглом А) представляет собой том в 135 листов, размером 17×25 см, по 25—27 строк на странице. Список — дефектный: не имеет конца; отсутствуют также лл. 45—46. Шесть первых листов подверглись позднейшей реставрации, причем оказались заклеены некоторые слова текста на нижнем конце страниц. Почерк — крупный, грубоватый насталик, явно не принадлежащий писцу-профессионалу; в тексте много поправок, зачеркнутых слов и дополнений, вынесенных на поля. Внешний вид рукописи довольно ясно свидетельствует о том, что она представляет собой какой-то черновой список; характер поправок и дополнений, а также особенности почерка позволяют считать его автографом самого ибн. Рузбехана. Это предположение подтверждается и другими данными, о которых будет сказано ниже.

На л. 1а имеется надпись рукой писца рукописи, где говорится, что она была начата в месяце шаввале в городе Бухаре и закончена „в месяце джумаде I в столичном городе Герате“ и что автором содержащегося в ней сочинения, называемого „Книгой бухарского гостя“, является „Фазлаллах б. Рузбехан, известный под именем Ходжа маулана Исфахани“. За колофоном следует стихотворный панегирик Шейбани хану. Недостающими в колофоне обозначениями года являются, как увидим ниже, 914 и 915 гг. хиджры (наиболее ранняя дата, встречающаяся в рукописи, — 12 шабана 914 г. х. (7 декабря 1508 г.), самая поздняя — зулхиджже 914 г. х. (апрель 1509 г.).

В 1939 г., по поручению дирекции Узбекской государственной публичной библиотеки, в состав которой тогда входил нынешний рукописный фонд ИВ АН УзССР, с этой рукописи была снята копия покойным сотрудником ГПБ УзССР Ибадуллою Адиловым². Каллиграфически выполненный список Адилова хотя и значительно облегчает работу над текстом „Михманнаме“, однако пользоваться этим списком без оригинала можно не всегда: переписчик не разобрал некоторых слов и не заполнил те лакуны в подлиннике, которые легко восстановить по контексту; кое-где встречаются пропуски.

Установлению точного текста „Михманнамеи Бухара“ может помочь второй список этого сочинения, хранящийся, как уже упомянуто, в Стамбуле³. Стамбульская рукопись „Книги бухарского гостя“ (далее цитируется под сиглом В) подробно описана чехословацким ученым Ф. Тауэром⁴. Она состоит из 154 листов, размером 12,4×34 см, и

¹ Инв. № 1414.

² № 5885.

³ Нури Османйе, № 3131 (Стори, ук. соч. II/2, стр. 372).

⁴ Les Mss persans historiques des Bibliothèques de Stamboul, Archiv orientalny vol. III, № 3, 1931, стр. 462—463.

имеет колофон, позволяющий точно установить время написания и характер рукописи А.

Приводим колофон в переводе:

„Закончена книга, называемая „Книгой бухарского гостя“, в столичном городе Герате богохранимом, после полуденной молитвы в пятницу 23 числа джумады I года 915, по счастью составителя ее, раба [божия] Фазлаллаха ибн Рузбехана ибн Фазлаллаха, известного [под прозвищем] Ходжа мауланаи Исфакхани, да приведет его аллах к [осуществлению] отдаленнейших его мечтаний! И было положено начало составлению ее в славном городе Бухаре, и написал он там около одной части, потом приступил к окончанию ее в Герате богохранимом, да охранит его аллах, в месяце раби II и завершил в джумаде I... Так найдено (=написано в оригинале) рукой составителя, да прострет аллах его тень, и переписал это слабейший из рабов аллаха Хаджи Али, писец гератский, да простит аллах его прегрешения, в джумаде II года 915“.

Таким образом, рукопись В списана с авторского автографа, начатого писанием в Бухаре, продолженного в Герате в месяце раби II (915 г. х.—июль-август 1509 г.) и законченного, очевидно, там же, в месяце джумаде I 915 г. (август-сентябрь 1509 г.). Как видно из упомянутого выше колофона рукописи А, последняя и является тем оригиналом-автографом, с которого рукопись В (стамбульская) была списана всего через месяц после его окончания—в джумаде II 915 г. (сентябрь-октябрь 1509 г.).

Сопоставление приведенных выше дат позволяет установить также и время начала составления ташкентского экземпляра „Михманнаме“. Месяц шавваль, когда ибн. Рузбехан приступил к составлению „Михманнаме“, может относиться только к 914 г. хиджры (вспомним, что в тексте встречается дата: 12 шабана 914 г.). Из этого следует, что автор начал писать свою книгу раньше тех событий, о которых он рассказывает в конце ее (наиболее поздняя из упоминаемых в книге дат—зулхиджже 914 г. х.—апрель 1509 г.).

„Книга бухарского гостя“ представляет собой, следовательно, нечто вроде дневника, куда ибн. Рузбехан заносил свои посредственные впечатления по мере развития событий. Как видно из различных мест книги и, в частности, из приводимого ниже оглавления, наш автор являлся не только свидетелем, но и непосредственным участником многих описываемых в книге событий.

Итак, рукопись (А) „Михманнамеи Бухара“, хранящаяся в ИВ АН УзССР, представляет собой автограф автора. Начата она в месяце шавалле 914 г. (январь-февраль 1509 г.), окончена в месяце джумаде I 915 г. х. (август-сентябрь 1509 г.).

Стамбульская рукопись (В) того же сочинения, списанная с ташкентского экземпляра неким Али ал-Хереви, закончена уже в джумаде II того же 915 г. х. (сентябрь-октябрь 1509 г.). Столь быстрая переписка объемистого сочинения могла быть осуществлена только при условии передачи автором материала переписчику тотчас же после написания. Стамбульский список „Михманнаме“, сохранившийся полностью и просмотренный автором¹, является ценнейшим проверочным пособием при издании автографа „Михманнамеи Бухара“, представленного рукописью А.

¹ На полях рукописи В имеются исправления, сделанные рукой ибн. Рузбехана,

Содержание „Михманнамеи Бухара“ видно из подзаголовков рукописи А (автографа) и переписанной с нее ташкентской копии (ркп. ИВ АН УзССР, № 5885):

(Вступление)	л.16
Диспуты в Бухаре в месяце рамазане:	
Первый диспут	л.5а
Третий ¹ диспут	л.6а
Четвертый диспут	л.7а
Пятый диспут	л.8а
Шестой диспут	л.9а
Седьмой диспут	л.10б
Восьмой диспут	л.12а
Девятый диспут	л.13б
Десятый диспут	л.15а
Диспут о назначении наследником внука при наличии в живых родного сына	л.17а
Диспут о том, как согласовать сотворение мира в шесть дней и слова: „будь! и бывает так“	л.21б
Проповедь, произнесенная в Герате	л.24а
Упоминание обстоятельств, которые вызвали священную войну против казахов	л.31б
Рассказ о некоторых полезных поучениях, преподанных на остановке Касри Арифан, близ святейшего мазара Ходжи Накшбенда	л.35б
Рассказ о диспуте относительно „страха друзей пророка перед богом, состоявшемся на этой остановке	л.37а
Упоминание о некоторых поэтических произведениях, возникших на остановке в местности Касри Арифан	л.41б
Упоминание о событиях на остановке в Ваганзи и о выступлении в Гидждуван	л.44а
О достоинствах хана Убайдуллы	л.44б
Рассказ об остановке в городе Гидждуване и о событиях, случившихся на этой остановке	л.46б
Упоминание о полезных поучениях, преподанных на остановке в Гидждуване	
Сказание о походе в страны Туркестана дорогой через бухарскую пустыню	л.55а
Рассказ о полезных поучениях, которые стали явны в бухарской пустыне	л.57б
Диспут о толковании хадиса о Джабраиле — мир ему!	л.60б
Описание крепости Аркук	л.66а ²
Рассказ о событиях в крепости Аркук	л.67б
Рассказ о полезных поучениях и диспутах, состоявшихся на остановке в Аркуке	л.69б
Диспут относительно хадиса о Харисе	л.71а
Рассказ о выступлении из крепости Аркук в сторону земель казахов	л.82а

¹ Так в рукописи; одно порядковое числительное, видимо, по рассеянности, пропущено.

² Между лл. 65 и 66 в ркп. №5885 недостает одного или двух листов, отсутствующих в ркп. А.

	л.83б
Описание ужасающего звука	
Рассказ о переходе его августейшего величества по льду через реку Сейхун и о том, как собрались султаны, пользующиеся счастьем, со дня на день умножающимся	л.93б
Рассказ о том, как пишущий сии строки был испытан болезнями и отправился в Сыгнак	л.96б
Рассказ о местонахождении стран Туркестана и земель казахов	л.107б ¹
Рассказ о причинах раздора и вражды Бурундук хана с наместником всемилостивого	л.112б л.119б
Рассказ	
Рассказ о вступлении его величества, наместника всемилостивого, в земли казахов в первый и во второй раз	л.28а
Упоминание о том, что стало известно о верованиях и поступках казахов и объяснение фетвы о войне с ними	л.130а
Рассказ о причинах выступления его величества, наместника всемилостивого, в третий раз в поход на казахов	л.140б
Рассказ о молитве святейшего пророка Айюба за жителей Бухары	л.146б
Рассказ о битве султанов с Джаныш султаном, о победе войска, поддержанного аллахом, о бегстве Джаныша и об убиении его сына Ахмед султана	л.149б ²
Рассказ о разграблении султаном улуса Джаныш султана казаха и о возвращении войска султана в ханский лагерь	л.157а л.158а
Рассказ	
Рассказ о выступлении его величества, наместника всемилостивого, на войну с Бурундук ханом и о набеге на улус Таныш султана, брата Джаныш султана	л.161а
Рассказ о возвращении светозарных знамен из земель казахов в область Сыгнака	л.170б
Рассказ об обстоятельствах пишущего сии строки с того времени, как он отправился в Сыгнак, и до того, как удостоился чести пребывания при хане в городе Ясы	л.175б
Рассказ о том, как его величество, наместник всемилостивого, выступил из Сыгнака для посещения святейшей усыпальницы Ходжи Ясеви	л.182а
Рассказ о переправе его величества, наместника всемилостивого, через реку Сейхун, называемую „рекой Ходженда“, с целью возвратиться из Туркестана в Самарканд, подобный раю	л.185б л.187а
Рассказ	
Рассказ о взятии крепости Келат в год победы над казахами	л.192а л.194а
Рассказ	
Рассказ о прибытии августейших знамен и богохранимый Самарканд	л.194а л.196б л.199а
Описание города Самарканда	
Описание ханского медресе в Самарканде	л.199а
Диспут на августейшем собрании в ханском медресе в Самарканде	л.200а
Рассказ о пире, устроенном его величеством султаном для рабов	

¹ Между лл. 105 и 106 пробел, вызванный отсутствием одного листа в ркп. А.
² Такой же пробел между лл. 147 и 148 ркп. № 5885.

его величества хана в Кани Гиле	л. 204а
Рассказ	л. 207б
Рассказ о собрании, устроенном в четвертый день, и о подарках	
его высочеству султану	л. 212а
Рассказ о кончине родительницы хана	л. 215б
Рассказ о выступлении августейшего войска из города Самарканды в Карши	л. 218а
Описание табунов коней, которые были приведены в подарок (хану)	л. 218б
Описание дворца его величества хана, построенного в саду города Карши	л. 219а
На этом текст рукописи А обрывается. В оглавлении стамбульского списка (В), приведенном в цитированной статье Тауэра, имеются еще такие главы: (заглавия даются нами в сокращении):	
Выступление из Самарканды в Мерв. Переход через перевалы	Джейхун, л. 141а
Переправа у Бардалыка	л. 142а
Выступление из Мерва в Мешхед	л. 143а
Посещение гробницы имамов	л. 144а
О том, сколь достойным делом является посещение гробницы имама Али ибн Мусы	л. 146а
Касыда в честь этого имама	л. 146б
Тюркская газель Шейбани хана в честь того же имама	л. 148а
Паломничество Шейбани хана к гробнице Али б. Мусы	л. 149а
Шейбани хан принимает намерение восстановить г. Тус	л. 150б
Заключение	л. 153а

Как видно из приведенного оглавления, „Книга бухарского гостя“ представляет во многих своих частях большой интерес для историков Средней Азии. Если начальные главы книги ценны преимущественно как материал для изучения идеологии и культурного уровня первых правителей династии шейбанидов, то последующие ее разделы дают подробные, нигде больше не встречающиеся сведения о походах хана Шейбани против казахов и, попутно, ряд интересных подробностей о жизни и обычаях казахов в конце XV и в начале XVI в. н. э. Ценность сообщаемых в нашей рукописи сведений тем более высока, что эта рукопись представляет собой автограф автора и является дневником участника упоминаемых в ней событий. Отдельные главы „Книги бухарского гостя“ выпукло характеризуют героя книги — Шейбани хана — и окружающую его среду и дают представление о внутренней обстановке и настроениях народа в его владениях. Ясно видно, помимо воли автора книги, грабительский характер походов Шейбани, как и следовало ожидать, крайне непопулярных не только в широких народных массах. Даже среди окружавших хана военных феодалов, не исключая членов его собственной семьи, эти хищнические экспедиции далеко не всегда встречали сочувствие.

Не менее интересный материал найдет в „Михманнаме“ и историк идеологии правящей военно-феодальной верхушки Средней Азии в XV—XVI вв. Опять-таки вопреки воле автора книги, под пером его ярко выступает чисто утилитарное значение многочисленных диспутов и словопрений, которые Шейбани хан не забывал устраивать даже в походной обстановке.

Диспуты эти, во-первых, должны были занять умы их участников — окружавших Шейбани феодалов и воинов, и отвлечь их от очень сильных в ту пору мятежных настроений, и, во-вторых, оправдать ссылками на авторитет Корана и „хадисов“ (религиозных преданий) хищнические войны Шейбани хана.

В работе над исследованием „Михманнамеи Бухара“ и переводом выдержек из этой книги автору настоящей статьи оказывал постоянную помощь профессор А. А. Семенов, который самым тщательным образом проредактировал почти весь перевод. Пользуемся настоящим случаем, чтобы выразить нашему многоуважаемому старшему товарищу и наставнику искреннюю и глубокую благодарность.
